
ТЮМЕНЬ И ТЮМЕНЦЫ В ВОСПОМИНАНИЯХ

А. П. МИТИНСКИЙ

Воспоминания, предлагаемые читателю, написаны известным тюменским художником, общественным деятелем и педагогом Александром Павловичем Митинским и являются уникальным документальным памятником, дающим представление о повседневной жизни тюменцев первой половины XX в., о подвижническом труде Учителя.

А. П. Митинский был известен жителям Тюмени как талантливый художник, любимый преподаватель и наставник, около 30 лет проработавший во многих учебных заведениях города: школах, техникумах, высших учебных заведениях. В 1930-е гг. Александр Павлович преподавал черчение и графику на педрабфаке и физико-математическом факультете Тюменского государственного педагогического института.

В 2006 г. часть этих воспоминаний была опубликована в подготовленном Н. И. Сезевой альбоме «Александр Митинский. На память с любовью». В полном объеме воспоминания публикуются впервые. Это стало возможным благодаря дочери Александра Павловича — Евгении Александровны Митинской, бережно сохранившей архив отца.

ВОСПОМИНАНИЯ

Человек, любящий книги читать, рано или поздно будет писать, хотя бы для себя.

А. Нексе

Детские годы

С казывается, как трудно писать воспоминания хотя бы для себя, когда приходится подвести черту.

Трудно, очень трудно. Как писать и что главное?

Мне исполнилось пятьдесят пять лет, многое забылось, другое — незначительное — вспоминается.

Вспоминаются некоторые сценки жизни, когда мне было 2–3 года, вероятно, из рассказов матери, отца. Семья у нас была большая, было шумно, холодно и голодно. Отец работал в тюменских типографиях печатником свыше сорока пяти лет, работал у хозяина Брюханова, Глускина и др., по двенадцать, четырнадцать часов в сутки, днем приходил на обед домой, а когда было очень много срочной работы, ему носили в платочке обед в типографию.

С тех пор полюбил типографию, работу наборщиков, переплетчиков и других профессий, а также редакции газет. До революции в Тюмени издавалась большая по размерам газета «Вестник Западной Сибири», которую отец приносил бесплатно, т. к. сам ее печатал. В доме было много журналов, как например: «Нива», «Родина», «Русское богатство», «Природа и люди», «Вокруг Света» и др. Все в переплете за год... Книг было много. Со слов родителей они достались за ненадобностью от каких-то богатых далеких родственников. Научился я читать хорошо, когда мне исполнилось шесть лет, совершенно случайно для себя.

Старший брат Всеволод читает по букварю: «Ре и а», «мэ и а». Мать спрашивает: «Что вышло?». Он отвечает: «Окно», так как на картинке нарисована рама, которая ему казалась окном. Мать ему за такое чтение подавала подзатыльник, далее следовало: «ше и а», «ре». Брат читает: «Мяч», а не «шар» и так далее. Мне со стороны казалось, что как это он понять не может, так постепенно и незаметно выучился читать по букварю. В отсутствие брата читал его книги. В прежнее время в первый класс приходской школы принимали девяти лет.

Все мои братья, сестры родились в г. Тюмени, я же родился во время поездки отца с матерью на пароходе по Иртышу в селе Усть-Ишим Тарского уезда, но родина у меня, безусловно, Тюмень, что указано в паспорте. За отсутствием метрик, я в школу поступил раньше положенного возраста семи лет, т. е. в тысяча девятьсот двенадцатом году. Мне очень хотелось учиться в школе, сам, как Филлипок, пошел в школу и упросил принять меня.

В детстве я был очень хилый, часто из носа шла кровь, болела голова, но был очень злой и обидчивый. Когда меня задевали зря, яростно нападал на противника, если он даже был сильнее, за что меня в семье звали «немчурой». Со слов отца, еще потому, что шея была завязана платком, опухали железы, имел вид «карлуши-немчуры»...

Отец меня очень любил и звал Санчик. Свообразные были методы воспитания детей в нашей семье. Если Мишка играл, а я и братья Всеволод, Николай и другие учили уроки, рисовали, читали, мать прибегала и шлепала всех, не разбирая, кто виноват. То есть за проступок одного — за разбитое стекло лампы, окно или пролитое молоко и т. п. — пороли всех, попадало всем, а старшим больше. Позднее мать говорила, когда мы выросли: «Не могла я устраивать суд и разбирать кто виноват, не было времени, нужно на всю ораву готовить, надо было на вас всех починить, постирать, приготовить еду». Поэтому часто за провинности старшие братья расправлялись сами, говоря: «Из-за вас и нам от матери попадет». То есть была как бы круговая порука. Ели за столом из большой хлебальной миски, опоздавший к обеду или ужину оставался голодом, куски у нас не таскали. Если кто говорил: «Я этого не хочу» — вылезай из-за стола, или кто черпал мясо или жирные куски снизу... Так же, кто проливал щи, неся ко рту, нужно было подставлять кусок хлеба, чтобы после обеда, ужина стол оставался сухим. Обедки оставлять не полагалось. Порванную одежду, обувь, вешалку каждый должен был починить сам. Вспоминается, бывало, починишь подметку у пимов (валенок), когда идешь в школу, она отвалится и болтается позади, оторвешь ее и в карман, а в валенок снег попадает. На второй день то же самое.

В нашей семье не принято было стонать и жаловаться, на это никто не обращал внимания. Ябедника мать или отец пороли в первую очередь, а виноватому не попадало. Спали все на полу вповалку, под голову подкладывали перевернутые стулья, на спинку которых клали одежду, шубенку, валенки или — у кого были — подушку, и закрывались одним большим одеялом, на подостланной толстой кошме, прижавшись друг к другу. Часто крайние просыпались от холода, т. к. другие стаскивали на себя одеяло.

Вся семья жила дружно, если мать кого-нибудь посылала в лавку к Дьяконову, Мартынову, Степанову, Севрюгину (ближние частные лавочники) никто не говорил: «Я уже ходил за водой или колол дрова, почему Мишка, Колька не ходит». Обычно молча брал деньги, или в долг брал нужный товар, керосин, соль и т. п. Все охотно выполняли домашнюю работу, правда, с одной целью — скорее бы побежать играть после выполненного задания.

Максим Горький когда-то писал: «Несчастный тот человек, у которого не было детства». Но у нас было у всех хорошее детство, были плохие моменты, но и было много хорошего. Не помню случая, чтобы кто-то из ребят утаил, украл у матери, отца, хотя бы одну копейку. Мелкие деньги лежали в печурке, примерно копеек 60–70, но ни у кого не появлялась мысль взять на сладости две или три копейки. Правда, мать учитывала, как мы знали, строго деньги.

Доставляло большую радость сделать родителям приятное, натаскать воды, принести всей оравой ягод, грибов, хворосту из леса, убирать снег из ограды, свалить его в лог — мы жили в небольшом домике на берегу оврага. Вспоминаются отдельные картинки — сценки из жизни до поступления в школу, например такая.

Где правда?

Мать послала меня купить безмен (так в старинку называли килограмм) меду, дала мне медную луженую миску. Я купил у лавочника Мартынова на Самарской улице мед, иду и думаю: «Не буду есть». А самому хочется полизать. Принес домой, мать взглянула, взяла миску, поставила на стол и давай меня пороть, приговаривая: «Негодяй, сколько ты сожрал, что я другим-то дам?». Тут случайно присутствовал дядя Семен Сосенков (брат матери). Он и говорит: «Аннушка, а ведь Санчик-то не виноват, по-моему Мартынов чашку не вывесил». Пойдем-ка Санчик к лавочнику, выясним, видно сразу, что он жулик.

Пришли в лавочку поставили чашку на весы, она ровно встала, когда поставили безмен. Ну лавочник и говорит, что, видно, весы неправильно поставил, обманул случайно парня. И налил чуть не пол-

ную миску. Я был рад, что не виноватым оказался. Но когда шел в магазин с дядей Семеном, со стола дома положил в карман незаметно кусок хлеба, макая которым я и поел вдоволь меду, сев на лавочку у забора. Крошки, попавшие в мед, я благоразумно счерпал пальцем, чтобы не осталось следов.

Пришел домой, мать и говорит: «Бедный Санечка, зря я тебя побила». И дала мне за это полное глубокое блюдо меду, а я уже так его наелся, но пришлось и этот мед доесть. В заключение я подумал: не воровал — получил порку, поел крадучи меду — украл, получил за это награду — блюдо меду. Где же правда? Эта история оставила во мне большой след — что правда не всегда бывает полезна. Но все же я всегда верил и верю в правду, т. к. у лжи короткие ноги.

Почему-то вспоминается еще такая сценка. Принес я с ребятами брату Всеволоду местных пирогов в школу, брат уже учился в третьем последнем классе Николаевского приходского училища. Увидел брата через стеклянную дверь и закричал: «Севка!». Вышла старенькая учительница, добрая, славная. Я знал (со слов брата), что ее звали Клавдия Ильинична. «Тебе мальчик кого?» Я говорю: «Севку — брата». Она говорит: «А фамилия как, я не знаю?». «Вон он там сидит». Она передала ему пироги, а тут раздался звонок на перемену. Учительница повела в свою комнату, раздела, усадила за стол и стала угощать чаем с вареньем, конфетами и печеньем. Я ел плохо, т. к. очень смущался. А потом и говорю: «Можно я еще Севке в карман положу, и Мишке, и Кольке?». Клавдия Ильинична засмеялась, наложила мне полные карманы гостинцев и говорит: «Приходи еще в гости».

Ну и жалел же я, что Клавдия Ильинична вскоре умерла, и не пришлось мне к ней в гости больше сходить.

А дома мать за гостинцы наругала: «Ты вел себя как нищий». А я говорю: «Учительница такая уж очень хорошая, добрая, ее все ребята любят». Представляю комнату учительницы, ее стол, заставленный угощением, самую милую старушку-учительницу, тепло в комнате, а я замерз и отморозил на руках пальцы, как она снегом оттирала мне руки. Незабываемая для меня сцена. Любовь человеческая — учительская.

Вспоминается еще не совсем хорошая сценка. Однажды мать позвала меня к соседке Абакумихе на Орловскую улицу в баню. Мне было уже семь лет и стыдно было с бабами мыться. Но мать взяла за шиворот и говорит: «Ах ты дрянь, еще баб каких-то разбираешь». Пришли в баню, а там человек восемь моется женщин, старухи, девки. Они давай надо мной смеяться. Мужика, мол, привели, мне было очень стыдно. Так как было тесно, жарко, да к тому же я плотно поел дома, как говорится до отвала, ну меня и прихватило. Захотелось на двор, а я голый. Что делать? Залез я под полок, наворотил кучу, прихлопнул вехоткой, закрыл чьим-то тазиком и, быстро помывшись, оделся и ушел домой. Боялся, как бы не обнаружили мою проделку. Когда пришла мать домой, было много шума. Она рассказала, что какая-то старуха потеряла вехотку, другая — таз, начались розыски, старуха въехала рукой в кучу, было много ругани и смеху. Но все бабы порешили, что Аннушке сына в баню с бабами больше не следует брать. Отец матери за эту проделку не дал меня пороть, т. к., говорит он, сделал я это не нарочно. С тех пор я в баню ходил только с отцом, чему я был очень рад.

Много было разных историй, детских обид и слез, несправедливостей. Я заметил, что, быть может, из-за плохой жизни взрослые, соседи часто издеваются над детьми. Взрослым доставляет удовольствие, а ребятишкам каково? Ну, скажем, прихожу я в типографию, все смеются. Вижу, надо мной. В чем дело? Оказывается, кто-то на нитку привязал цветные бумажки, а я их за собой таскаю. А то переплетчик [неразборчиво] на клейстер бумаг на спину и т.д.

С малых лет, как себя помню, стал драться, как и все ребята, на боях. Кулачные бои начинались, когда подстынет земля и идет небольшой снег. Осень, и наступает зима, река застыла. Бой обычно начинали самые маленькие 5–6 лет, затем выскакивают лет 8–10 и т. д., идут в драку парни. После чего в бой вступают мужики бородатые, а затем, в разгар — знаменитые кулачные бойцы. Грузчики, кузнецы, сапожники, кожевенники и порой купчики и интеллигенция, телеграфисты, приказчики. Последние, получив основательную трепку, быстро выходили из боя. Славился боец Митька Сосуля. В детстве

он был сопливый, отчего и получил прозвище. Нужно заметить, что в дореволюционное время почти все ребята имели разные прозвища: Петька двухносый, Мухомор — это который всех младше и т. д.

Дрались обычно: Малое городище против Большого. Или объединялись вместе, шли драться на реку против Заречья. Часто было, что в разгар дикой драки, когда в ход шли колья и доски от заборов, приезжали пожарные и в морозный день разгоняли водой, поливая всех. Но бывали случаи, что бочки пожарные перевертывали и пожарных били. Полиция боялась вмешиваться, т. к. не в состоянии успокоить бой, ее просто сминали. Драться ходить на Потаскуй или Сараи наши боялись, т. к. там сразу в бой вступали с ножами и камнями. Вспоминается участие в боях нашей родни, они обычно шли валом: отец, его брат дядя Иван, Петр, братья матери Павел и дядя Семен. Отец дрался наутычку, т. е. бил торчком в грудь. Дядя Петр дрался красиво, ловко. Каждый имел свой стиль и достоинства в бою. Было красиво и жутко наблюдать бой со стороны, даже дрожь проходит по телу. «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны» (Шота Руставели).

Обычно купчики, богатеи, подавали советы, давали денег сильному бойцу, чтобы он сбил с ног [неразборчиво] в рядах противника. Заключались заклады (пари): кто кого из силачей побьет, т. е. сшибет. Были установлены строгие правила боев, сбоку, сзади, лежачего не бить, в варежку не класть свинчатку или болт. Обычно если будет обнаружено такое запрещенное оружие, обе стороны избивали виноватого до полусмерти, т. е. устраивали самосуд.

Царское правительство не запрещало бои, т. к. они отвлекали рабочих, трудящихся от революционного движения. После боя, под вечер, когда стемнеет, бой прекращался. После боя собирались компанией родственники, дяди, племянники, сваты и т. д. числом человек двадцать или тридцать. Выпивали, делились впечатлениями, как они ловко дрались, хвастались, некоторые спорили, подсмеивались. Обещали в следующее воскресенье отплатить. На таких «совещаниях» мы, ребяташки, любили присутствовать незаметно для взрослых.

Я останавливаюсь на боях так долго потому, что это яркие незабываемые сценки дореволюционной жизни рабочих. В боях ведь

тоже нужны ловкость, смелость, глазомер, сила, а главное — смекалка. Бывало и сильного бойца сбивал на вид какой-то мозгляк. Любил я бои очень, на них порой попадало мне, братьям, отцу и всем родственникам. Ну а жены обычно причитали, бабы обычно на бой не допускались. Они изредка смотрели издали. Помню, как однажды дядю Петра, веселого, кудрявого парня, вечного солдата (он был в армии с 1909 года по 1922 год), принесли на руках избитого, в крови, рваной рубахе. Когда его облили водой, он переделся и снова пошел в бой, чтобы побить противника, и с ним пошла большая толпа родственников. Ну и на этом бою побили большегородиченских. Только отцу кто-то по уху смазал, что в ухе звенело больше месяца, и он оглох на одно ухо.

В бою люди зверели, теряли человеческое достоинство. Как мне кажется, бои в Тюмени были до 1924 года, но в период послереволюционный они не носили такого массового, азартного характера. Много было всяких игр, всех не упомнишь. В городки играли и взрослые. Игра в городки проводилась обычно у соседей Забаровских, которые расчищали дорогу бороной на лошади, чтобы земля была ровная, затем проверяли поле игры, заколачивая по углам деревянные колья вровень с землей. На каждом поле ставили 200–150 городков, били с далека, шагов за 25–30 от черты поля. Взрослые ребяташек принимали 2–3-х самых ловких в компанию, чтобы они собирали городки, палки. Каждый мог бить только двумя палками. Играло человек 10 с каждой стороны, игра была азартная на ведро бутылок пива. Пили вместе, а платили проигравшие. Мы мальчишки были рады наблюдать за мастерски выбитыми городками, красивой игрой.

Затем играли в горелки, по-тюменски «огорелы», устраивали весной на пасхальной неделе качели и другие игры. Все это за счет складчины рабочих, живущих в районе улицы Туринской и Самарской.

Ребят было много. Они объединялись в группы по возрасту: примерно 5–12 лет. А с 13–17 лет маленьких принимали в компанию лишь за особые заслуги — отличившихся в боях, в плавании на реке, хорошо знающих, где собирать ягоды, грибы, и выносливых, чтобы не хныкали, когда устанет в дороге или натер ногу. И не отставать

в дороге, т. е. не быть в тягость ватаге, безусловно, подчиняться вожаку.

Ребята были разных национальностей: поляки, евреи, татары, китайцы и т. п. Но все играли дружно, никаких прозвищ из-за нации не было, т. к. все были дети тружеников, кустарей, рабочих. Играли с весны азартно в бабки, городки, запускали змейки, монахи. Делали налеты на огороды соседей, что не считалось большим злом и со стороны потерпевших хозяев. Лазали за вишней, малиной к богатым, что было сопряжено с большим риском, каждый старался показать себя храбрым, отчаянным. Ходили компанией человек 20–30 на рыбалку на реку Туру под Юрты, на Шерстомойку, на реку Пышму, озеро Падерино, Толубаево и др. На 2–3 дня, а порой и на неделю. Жили как дикари, порой голые целые дни, загорелые, здоровые. Питались добычей, ели коренья и другие травы и кустарники. Было весело, привольно. Уходили от города за 20–30 км.

Зимой игры были другие: катанье на самодельных коньках, салазках, главным образом с горы у самого дома, сшибая порой с ног прохожих, за что иногда взрослые отбирали салазки и порой били, и основательно. Любимая игра была пускать «налима» — толстую палку в конце заканчивавшуюся тонким концом, отполированную стеклом-шкурой. Она пускалась из-под правой руки. «Налим» шел далеко под снегом, приходилось его [неразборчиво]. Очень много всяких было игр.

Любили прятать ремень. Кто его найдет, хлестал всех, пока не добегут до лавочки или забора. Тот, кто спрятал, говорил «горячо», «жарко», если ищущие, подходили к спрятанному месту. А если близко очень, то говорил «жжет». Ремень закапывали в землю, прятали в дупло, вешали на столб, на дом за ставни, на 2-й этаж и т. д.

Очень азартная игра была в городки «школда»: гонят все один городок по полю или улицам, [неразборчиво] порой того, кто галит, т. е. хозяина городка. Затем игра в мяч, в «беглы». С каждой стороны играло человек 20–30. Играли в гуттаперчевый мяч, им очень сильно били человека, пока не успел пробежать до поля противника. «Хлиздунов» (т. е. обманщиков) в игры не принимали, их просто изгоняли.

Законы ватаги были выработаны веками, слабому, трусу в них места не было.

С осени многие уходили в школу, почему не с кем было играть. Мне тоже раньше времени захотелось пойти в школу. Семи лет я попал в приходскую трехклассную Николаевскую школу, приняли условно, т. к. метрики не было. Учитель сказал, что, если будет хорошо учиться, оставим в школе.

Начало учебы в начальной школе

Первый день учебы в начальной, да и средней школе был обычно 20 августа, слушали молебн в ограде школы, учащиеся пели молитвы, гимн «Боже царя храни». Затем разводили учащихся по классам, рассаживались сами. Второгодники садились на последние парты — «камчатки». Учитель беседовал, как нужно вести себя в школе, сидеть за партой.

На молебн я с матерью пойти отказался, т. к. засмеют ребята. Мать попросила парня лет четырнадцати Витьку Белоглазова, ученика последнего класса, чтобы он последил за мной и привел меня обратно. Этот парень недавно переехал на нашу Туринскую улицу, я его совершенно не знал. По дороге Витька и говорит, теперь я твой хозяин, если кто тебя обидит, говори мне, я заступлюсь, но ты за это будешь мне отдавать половину обеда, что будет мать тебе давать. Только не говори об этом никому, иначе я тебя изобью. Для меня, семилетнего мальчика, он казался большим «дядей».

После первого дня пребывания в школе Витька поджидает меня у ворот школы и говорит, что пойдем домой вместе. А сам повернул на Царскую улицу, где были магазины. Было много разных магазинов, где торговали купчики ученическими принадлежностями. Левитова, Соколова, Невской и др. продавали перья, ручки, тетради, открытки и т. п. Зашли в один магазин, Витька выбирал открытки, но не купил, пошли в другой, третий, кое-где купил на 2–3 копейки перьев. Пошли домой, он и говорит: «Давай делить добычу пополам, у воров такой обычай». Вытаскивает у меня из кармана пачку цветных открыток, кучу перьев, 2–3 чернилки фигурные (продавали ино-

гда такие чернилки с головой негра, фигурой Наполеона, бродень и т. п., они очень ребятам нравились). Я был удивлен, а он говорит: «Воровал-то я, а прятал тебе в карман, на тебя-то не подумают, уж очень ты чистенький, да маменькин сынок. Если не возьмешь добычу, буду тебя зверски бить, и не вздумай жаловаться родителям, ты теперь тоже вор, воровали-то вместе с тобой». Пришлось брать, но когда Витька ушел домой, я свою долю спрятал под тротуары, т. к. боялся нести домой, мать бы спросила, где это все взял? Пришлось бы сказать правду. Но на второй день моих открыток под тротуаром не оказалось, кто-то их уже взял.

Я всегда старался избегать «дружбы» Витьки, но это было сделать очень трудно, т. к. учились-то мы в одной школе. Пошли мы раз с ним по погребкам, где продавались фрукты, ребята любили в них покушать мороженные гнилые яблоки. Смотрю и вижу, что Витька выходит из погребка и показывает украденную связку местных гирек на ремне $1/4$, $1/8$ фунта и т. д. Говорит: «Продадим их и купим яблок». Зашли в один, другой магазин — нигде не берут, говорят они «воровские», но в одном магазине говорят: «Дадим 3 копейки, берите товару». Витька выбрал три палочки дрожжей. Я говорю: «Зачем они тебе?» А он: «Я их очень люблю». Разделил их пополам и меня заставил съесть. Съел я 150 граммов, так как каждая палочка весила $1/4$ фунта. Пришел домой, живот болит. Катался по полу. На расспросы матери, что ел — молчу. Явился с работы отец и говорит: «Дожили мать с тобой, сын вор у нас стал». Оказывается, лавочник знал меня и отца, и рассказал, что дал нам дрожжей. Пусть говорит, покатается по полу и подумает, как воровать, не сдохнет. Попросил рассказать, что за приятель Витя, ничего не утаивая, я рассказал, что он отбирает от меня завтраки, как я с ним ходил по магазинам и зачем. На второй день отец сходил к матери Витьки и сказал, чтобы он меня оставил в покое. Но на этом история с Витькой Белоглазовым у меня не закончилась, но о ней в дальнейшем рассказу.

Со школой и учебой в ней у меня остались интересные впечатления. С нами занимался высокий старик, волосы стриженные под ершик, как у жандармов, с усами, седой, левую ногу он таскал по

полу (была видимо парализована). Он же был директор школы Иван Антонович Панин. Когда выйдет из себя, стучал линейкой по столу и кричал: «У, бараны». Учеников частенько бил линейкой, ставил в угол на колени, повертывал лицом в угол, чтобы провинившийся не смешил класс.

На первом уроке второго дня учебы он проходил между рядов, стукнул меня по голове линейкой, от боли и неожиданности я заплакал, тогда он ударил сильнее второй раз, вскочила большая шишка, сосед вытащил руки мои из-под парты и положил на стол, учитель прошел дальше. Я спросил соседа, за что он меня бил, тот ответил, что вчера объяснили, что руки должны лежать на парте, а не в парте. Ну а я-то считал, что руки в парте держать удобнее, чем на парте. Но с тех пор я уже всегда держал руки на столе.

На первом же уроке учили алфавит — буквы «а», «б», и «в». Учитель показывает большие буквы, отпечатанные на картоне, за ним ребята повторяют и поют хором: «А...а...а», затем «Бэ» и т. д. Кто кричит «Бе», того по голове линейкой, я тоже крикнул «Бе» из-за любопытства, заметит ли меня, и тоже получил по лбу линейкой. Так я получил две шишки. Нас интересовало, как учитель замечает, кто бекает. Только когда вырос, я понял: как раскрыт рот у ученика и по направлению звука. В ответ учитель дико кричит свое любимое «У, бараны». Но все же мы этого учителя страшно боялись, что называется, «поджилки тряслись».

Однажды я перестал петь, он подошел ко мне и спрашивает: «Почему не поешь?». Отвечаю: «Я умею читать». А он в ответ: «Пой, баран, подумаешь, какой грамотей нашелся». Пришлось петь. Учили весь алфавит до ижицы и обратно. Спрашивал учитель, а ну-ка такой-то ученик отвечай алфавит с буквы «Ще» или иной какой. Кто не ответил, становись к стенке, порой поставит человек 10–15, обязан был ученик стоять 2–3 урока и на переменах тоже. Тут уже подумаешь, почем пуд лиха.

Пришел домой, отец смеется: «Умный ты у меня Санчик, в первый день две шишки получил». Дальше с учебой у меня пошло хорошо, т. к. учили все, что я уже знал. Прочувшись с месяц, пришел

к классу Витька Белоглазов и стал вызывать меня во время перемены из класса, я не пошел. Надо заметить в школах был обычай, ученикам из других классов заходить было нельзя. Тогда рассердившись, он взял с полу сухую корку ржаного хлеба, швырнул в меня и попал в глаз. Вскоре зашел учитель, он, увидев, что я плачу, спросил меня о причине. Я говорю: «Кто-то коркой хлеба попал мне в глаз». Он посмотрел, что глаз налился кровью, и послал меня домой. Было очень больно, вероятно, оцарапнута была роговица. На второй день пошли с отцом к врачу. За визит нужно было платить большие деньги — рубль. Врач говорит: «Нужно глаз вынуть, а то парень ослепнет». Отец не согласился. Пошли ко второму, тот сказал то же самое. Вышли мы, и отец заплакал: что, мол, Санчик, делать будем? Я говорю: «Не знаю, но только ребята будут звать меня косым». А он в ответ: «Лучше разве будет, если ослепнешь?».

Тут я вспомнил знаменитого в нашем краю фельдшера Карнацевича, он всем помогал. Но как не имеющего диплома врача, ему запрещали вести прием больных на дому. Отец говорит, пошли к Карнацевичу. Пришли к нему, Карнацевич и говорит: «Наверное, успели охватить всех врачей, а потом ко мне?». Отец сказал правду. Карнацевич в ответ: «И я это же скажу, глаз пока не поздно нужно вынуть». Я заревел дико. Уж очень мне косым не хотелось быть, дразнить ребята бы стали «Шурка косой». Карнацевич и говорит: «Жаль парня, уж очень он большеголовый, как я; попробуем лечить каплями, пусть ходит по утрам ко мне, только будет ему очень больно». А я то думаю: куда еще больнее. Спустил капли, отец меня держал. Забинтовал глаз. И лечили больше месяца, зрение спасли. За лечение Карнацевич не взял ни копейки, вот тебе и ротный фельдшер, это был отец известного врача в Тюмени (заслуженный врач РСФСР Карнацевич Станислав). Отец, мать, ребята, учитель все допытывались, кто бросил в глаз, я так и не сказал, так как по ребячьим законам ябедничать и выдавать было нельзя. С тех пор Витька Белоглазов оставил меня в покое, дружбы со мной не домогался.

В конце года учитель меня попросил прочитать длинный рассказ с выражением, я прочитал. В ответ Иван Антонович сказал: «И вер-

но, баран, хорошо читать умеешь». Это он запомнил мои слова с первого урока, когда мы еще только учились «бекать».

Успешно перешел во второй класс. Ну а со второго класса пришла молодая учительница Мария Ивановна Воронцова, которую ребята очень любили, чудесный она была человек, не то, что больной человек, сгоревший на учительской работе Иван Антонович Панин.

Очень я любил читать книги, библиотечных, домашних книг не хватало. Покупал книги за пятак, маленькие, без переплета: «Пан Твардовский», «Как львица воспитала царского сына» и т. п. Обратного лавочник покупал прочитанную книжонку за три копейки. Деньги доставал во время игры в бабки, подаренные в день рождения и т. п.

Интересный был лавочник Соловьев, продавал книги с прибавками. Книг было много разных, на каждого читателя. Позднее с 4 класса увлекся, как и все ребята, чтением бульварной литературы: «Пещера Лехтвейса», «Палач города Берлина», «Разбойник Ганс Железная Рука», «Рокамболь», сыщики Нат Пинкертон, Шерлок Холмс, Пат Коннер, Ник Картер и др. Позднее интерес перешел на чтение книг Ж. Верна, Р. Хаггарда, Л. Буссенара, Л. Жаколио, Ф. Купера и другой приключенческой литературы. Благородным вождям краснокожих мы старались подражать, играть в капитана Гаттераса и других любимых героев. Я бы не сказал, что эти книги мешали нам учиться, чтение было не за счет качества учебы или невыполнения домашних заданий, помощи матери, отцу.

Помню, сколько было счастливых минут при чтении книг Луи Буссенара, Габриэля Фэрри. Они заставляли быть наблюдательными, правдивыми, защищать слабых, быть честными. Как был прекрасен этот мир приключений. Затем знакомство с Джеком Лондоном, Горьким, Некрасовым, все в свое время. Счастливое ушедшее детство. С детских лет — с 5–6 лет — я помню, увлекся рисованием по примеру отца.

Мой отец был чудесный человек, никогда он не ругался, не бил нас, интересовался нашими занятиями, окончил он всего два класса начальной школы и обучался у родного отца на дому. Но был порядочно по тому времени начитан. Он учился в детстве у художника

Калганова, который был выслан в Тюмень на поселение, о нем я в дальнейшем расскажу подробнее. По воскресеньям отец утром до пирогов (мать каждое воскресенье готовила мясные пироги небольшие — любимое кушанье сибиряков, как и пельмени) на загрунтованной доске рисовал копии из журналов «Нива», с открыток виды Айвазовского, Шишкина, и мы, братья, Всеволод и я, как и другие, стояли и смотрели, как рисует отец.

Захотелось свои иметь работы. Брат Всеволод стал рисовать лучше отца, когда учился еще в 5 классе 1-го Высшеначального училища, а я рисовал хуже. Работали главным образом карандашом и акварелью, но о своем искусстве напишу отдельно, т. к. это особая тема. Вплотную я занялся творческой работой с 1920 г., и работаю больше сорока лет.

Успешно я окончил начальную школу, т. е. три класса. Подал заявление в 1-е Высшеначальное училище. Принес заявление инспектору училища Димитрию Кузьмичу Шумилову, которого любили все ученики, даже исключенные из школы. Он и говорит: «Прошение Вы писали?». Я оглянулся, думаю, кто это еще позади стоит, меня впервые в жизни назвали на «Вы». Понял, что вопрос относится ко мне. Говорю: «Да, я писал». Он в ответ: «Молодец, уж очень хорошо написано, нам таких учеников надо». Я не сообразил и говорю, что на черновиках писал пять раз, а потом уже на гербовой бумаге. Димитрий Кузьмич рассмеялся и сказал: «Ну, ничего, все-таки молодец».

Пришел на экзамен, писали сочинение. Я написал на пять, и вдруг инспектор объявляет, что никто в школу не будет принят т. к. пришло распоряжение об открытии 4-го класса в начальной школе. Идите обратно, каждый в свою школу, и поступайте в четвертый класс, а на будущий год вас примем всех без экзаменов. Представьте наше горе, обратно в ту же школу, которую закончили. Незабываемая, тяжелая картинка. Какое это было горе.

В детские годы время бежит уж очень бесконечно тихо, но закончен четвертый класс, в котором ничего нового не узнали, учились по тому же учебнику «Добрые семена», можно сказать, что и программы настоящей не было у учителя. Наконец-то поступил без экзамена

в 5-й класс, т. е. в первый класс Высшеначального училища. Начинается пора юности, хотя мне исполнилось всего лишь одиннадцать лет. Наступил тысяча девятьсот шестнадцатый год, второй год германской войны.

Счастливые годы детства

А охоты еще рассказать о детстве, некоторые истории, которые остались в памяти как счастливая пора детских лет. До революции были в Тюмени небольшие кинотеатры «Гигант», «Палас», «Вольдемар», «Модерн», «Художественный» и «Био». Кинотеатр «Био» был специально для детей школьного и дошкольного возраста, также на лето приезжал цирк «Чиризелли» и братьев Костоусовых. На все эти зрительные предприятия антрепренеры или хозяева давали отцу контрамарки на посещение представлений в театр Текутьева и кинотеатры, т. к. он им печатал афиши, летучки, программы. На обороте визитной карточки было написано: «Пропустить на свободные места трех сыновей Митинского». Этими контрамарками пользовались не только мы, но и два человека товарищей, друзей. В Текутьевском театре к тому же тетка торговала на галерке в буфете. Как правило, не пропускали ни одну постановку, кинокартину. Не разбирали, подойдет она нам по возрасту или нет. Вспоминается игра актеров Лысецко и Мозжухина, кинокартины «Сатана Ликующий», «Сижу у камина» и «Ответ на камин», приключенческие «Тарзан», «Знак Зорро», «Змея обвиняет» и др. Многие были кинокартины в 10–15 сериях, американские боевики, и русские «Васька Чуркин», «Степан Разин». Хорошо помню знаменитых борцов цирка Ивана Поддубного — чемпиона мира, Ивана Кишка — чемпиона Сибири, он в борьбе не применял двойной Нельсон, захватит бывало и сам же с рыканьем вытаскивает руки, т. е. был распушен в народе слух, что многих за этот прием борцов отправил на тот свет, почему разрешили ему бороться без применения двойного Нельсона. Его даже Поддубный положить на две лопатки не мог. Затем любимец публики за красивую борьбу и наружность тюменец Алешка Масленников.

Эти борцы в гостях у отца выпивали в садике. Помню, я спрашивал у Поддубного: «Что самое трудное в Ваших номерах?», он говорил: «Порвать колоду игральных карт в пятьдесят два листа». Ну а соседи, кузнецы братья Заборовские Николай, Иван и Костя, сковали специальную подкову, где были не пробиты до конца дыры для гвоздей и говорят Ивану Поддубному: «Сломайте нашу подкову». Он ее швырнул на арену и говорит: «Кто ее ковал, тот и пусть ломает».

Оценку борьбе выносила галерка, мы с отцом смотрели всегда с галерки, т. к. проходили по контрамарке. На галерке можно было смотреть представление в цирке только стоя. На всю жизнь запомнилась борьба в цирке — незабываемые впечатления. Да и на Малом городище — районе города, где мы жили, рабочие летом по вечерам часто устраивали французскую борьбу, расстелив ковры прямо на землю. Были свои арбитры, специалисты и мастера. Или бросали издали друг другу двухпудовые гири, ловя их за ручку. Местных борцов на улице мы смотрели не с меньшим интересом, чем борцов-профессионалов в цирке.

Когда нужно исполнять в сказках гномов или без слов детские роли, меня лет с трех–пяти привлекали в Текутьевском театре, за что давали кучу шоколадных орехов, пряников и конфет. Помню, играя веселого гномика, я заливался слезами, меня в конце действия спросили, что с тобой? Я ответил, что щиплет клей, стягивает кожу на лице, так как мне приклеивали бороду столярным жидким клеем. С тех пор осталась любовь к театру, к жизни актеров. Вспоминаются любимцы публики Вольмар, Орлов и Нурдин (хромой). Публика обычно любила актеров, переживала удачи и плохую игру актеров, провожали их до выхода, после спектакля устраивали овации, была как бы связь зрителя с актерами.

Как стал себя помнить, вероятно, лет шести, торговал газетами, помнится, еще с бумажных денег не мог сдачу покупателю сдать, а серебряные и медные деньги считал хорошо. Продавал газету «Вестник Западной Сибири», вечером дети рабочих типографии часов в 8–9 вечера накануне следующего дня брали в долг номеров 50–100 газет, а к вечеру следующего дня должны вернуть деньги кассиру за

проданный номер: три копейки хозяину, а две себе как выручка. Непроданные газеты обратно, как правило, не принимались, только через отца иногда я их сдавал, если верну до полудня. Особенно газеты расходились, когда было какое-нибудь происшествие — «убийство», «грабёж» или сообщение о военных событиях. Выручка была обычно не больше рубля, все деньги отдавали матери. Бежишь, бывало, по улице, обгоняя других мальчишек, и кричишь: «Зверское убийство — вырезана семья из семи человек», но деньги берешь вперед, а потом даешь газету. Это обычно проделывали на станции железной дороги после двух звонков до отхода поезда. Бывали драки газетчиков, ссоры. Помню, подают мне сто номеров в узкое окно, кто-то выхватил их у меня из рук и убежал, я так и не нагнал этого человека, ему еще трое мальчишек помогали. Ну и слез было, пять рублей потерял, немалые деньги по тому времени.

Вспоминается такой интересный поучительный случай из торговли газетами. Мне уже было лет восемь. Однажды стучусь в дом, предлагаю газету, по домам ходили мы, когда на улицах газету продать нельзя, т. е. получается затоваривание. Мне отвечают, нам носят газету за четыре копейки, во втором доме то же самое. Отдавай мальчик, все же одну копейку наживешь, а то деньги пропадут, подумал и распродал газет пятьдесят.

В дореволюционное время были в Тюмени разные «дельцы», которые содержали мальчишек в различных воровских шайках, притонах. Был один старик, безрукий татарин, рукава одежды у него болтались, он содержал, кормил, одевал в лохмотья человек 20 мальчишек, девчонок они торговали газетами, воровали, попрошайничали. Этого татарина, мы, мальчишки, торговавшие газетами, очень боялись, т. к. провинившихся он пинал ногами, избивал сильно. Продавая газеты, я обратил внимание, что за мной следят человек шесть из шайки татарина, я побежал, они за мной, добежал до одного угла, там встречают с криками еще трое, я от них. Вижу, что загоняют в тупик, т. е. улицу без прохода — на окраинах Тюмени таких улиц было много. Зажали меня в тупик улицы и окружили кольцом, как волка, человек пятнадцать. Думаю, убьют. Татарин говорит: «Стойте ребята, бить будем потом.

Вначале пусть все расскажет». Обращается ко мне: «Ты носил газеты в дома по четыре копейки на таких-то улицах?». Я говорю: «Носил». «Зачем ты это делал, раз их нужно продавать по пять копеек?». Ну я в оправдание говорю: «Хозяева говорят, что им носят за эту же цену, к тому же я продавал их поздно, к концу дня». Татарин в ответ: «Они тебя обманули. Никто не продает дешевле цены, указанной на газете. Зная хорошо твоего отца, мы тебя бить не будем, но ты целый год не торгуй газетами, иначе уьем. Ничего не говори отцу. Ты нанес большой вред нашим ребятам, своей коммерцией». Страшные были у меня переживания, думал, мне пришел конец.

Позднее при Временном правительстве торговал небольшой по размеру газетой «Ермак». Помню, порой кричали: «Газета «Ермак» — кто купит, тот дурак!», за что нам попадало от обывателей, это нас научили родственники-рабочие. Газета-то носила характер небольшевистский, поддерживала Родзянко, Керенского. Очень интересным событием для всех уличных мальчишек был религиозный праздник Рождество из-за того, что можно было «славить», петь гимны «Рождество твое, Христе...» и т. д. Славить нам с братьями разрешали, как позднее я понял, из-за некоторого материального подспорья. На собранные деньги покупали сапоги, валенки, рубашку, кому что требовалось. Обычно пальто и другие вещи, как было принято в рабочих семьях, переходило от старшего брата к младшему, а от него к следующему, пока не придет в полную непригодность. Покупали крупные вещи старшим и младшим, остальные же носили обноски. Славить разрешали только у своих родственников. Их было, считая с дальними, человек 40: тетки, дяди, бабушки. Все старались угостить, задержать у себя, а нам нужно было всех оббежать, на второй день славить не принято. Мы уже знали, кто сколько платит. Тетка Тая была богатенькая и давала по рублю каждому, остальные родственники — гривенники или пятиалтынный. Собирали за день рублей восемь, десять. Но иногда по инициативе старшего брата Всеволода заходили в чужие дома. Пели мы красиво и дружно, т. к. под руководством отца репетировали еще дней десять до Рождества и к тому же школьниками пели в церковном хоре, были и уроки пения.

Однажды, в 1912 году, Севка и говорит: «Зайдем к Текутьеву славить, интересно, сколько он нам даст денег?». Был в те времена миллионер-купец, знаменитый в Тюмени, а, со слов жителей, скупее его не было в городе. Нажил он капитал, сбывая фальшивые деньги самоедам — народам Севера. Гнались за ним ненцы на оленях, хотели его убить за обман, да ушел от них, осел в Тюмени. На свои деньги построил вал за рекой, чтобы не затопило Заречье. Театр драматический открыл, откупил место для кладбища оно и называется с тех пор Текутьевское, построил школу Потаскуевскую, ремесленное училище для детей рабочих, придел для Спасской церкви и много других зданий. С целью оставить след в народе за «добрые дела», а сам наживался на скупке по дешевке зерна и других товаров, продавая гнилой товар по дорогой цене, давал в долг рабочим и кустарям, затем взимая с процентами.

Мы лично, никогда у него ничего в лавке не покупали, товар у него был хуже и дороже других. Зашли с Севкой на кухню, встретил нас Текутьев в обычном рабочем костюме, поддевке и картузе засаленном. Спрашиваем: «Можно Христа прославить?». Отвечает: «Чьи вы?». Мы сказали: «Митинского Павла Петровича дети». «Знаю, — говорит, — пойте». Спели мы гимн один, второй, ничего не говорит. Молчит. Тогда мы запели «Маленький хлопчик, заскочил на столбчик, в трубочку играет, Христа прославляет, открывайте сундучки, доставайте пяточки». Ничего не сказал, но понял, что нужно платить. Достает привязанный к поясу кожаный мешочек, выкладывает деньги на стол, стал что-то отсчитывать. Севка говорит, наверное, золотой даст. А Текутьев нашел полушки две и нам подает (полушка — это $\frac{1}{4}$ копейки, на нее можно купить маленькую конфетку). Всеволод не взял, достает двадцать копеек и говорит: «Возьми двадцать копеек, но если жаль, не подавай полушку славильщикам, а эти деньги подай другим славильщикам». Текутьев выставил нас за дверь, а деньги-то брата взял. В холодных сенях Севка увидел тарелку мороженых сырчиков с изюмом, хотел взять один, они сморозились, потянулась вся тарелка. Кто-то хлопнул дверью. Севка взял под шубенку всю тарелку. Я говорю: «Севка ведь ты украл, мать, отец узнают, будет тебе и мне порка», а он: «Я что ему зря двадцать копеек отдал».

Вышли на улицу, он и говорит, увидев знакомых ребят славильщиков: «Ребята, налетай, ешьте текутьевские сырчики». Стукнул об стол, разлетелась тарелка, и сырчики живо расхватали. Все сырчики, надо заметить, были хуже наших, мало в них было сахара и сметаны. Пришли мы вечером домой. Мать нас угощает, Севка говорит, что мы есть не хотим, а отец в ответ: «Где же они есть будут, сыты текутьевскими сырчиками». Оказывается, приходила прислуга от купца и потребовала один рубль за украденное. Отец уплатил. Порки, ради праздника, не было. Были у нас гости, они за нас заступились. Но весной мы Текутьеву отомстили, вороньими и грачиными яйцами залепили все окна в его двухэтажном доме. Вот она какова, ребячья этика.

Между прочим на похоронах Текутьева я с братом Всеволодом был, прошел сквозь калитку три раза, каждый раз давали по двадцать копеек, люди стояли в очередь: нищие, пропойцы, бродяги и мы в том числе. В ограде садили за большие столы, человек сто или больше, угощали пирогами, ухой и др. поминками, мы не ели, а поворачивали обратно и в калитку снова. Нас кто-то из соседей заметил, сказали отцу, где видели его ребят. Была порка Севке и мне. Текутьев, как мне помнится, умер в 1916 году, и был захоронен в Спасской церкви, откуда был убран в годы советской власти, в 1920 или в 1921 году.

Интересным для нас занятием было посещение свадеб родных, знакомых, а также богатых. Когда из церкви приезжали молодые и устраивали пир, мы, мальчишки, собирались под окнами и кричали: «Господа шаферы с новобрачным, ура, ура, ура!». Из окна бросали деньги, конфеты. Так кричали до тех пор, пока пьяные гости не выходили и не разгоняли крикунов. Или ничего не бросали, и нам надоедало без результатов кричать. Это было буйное веселье для ребят, набивали полные карманы конфет и до одного-двух рублей денег, т. к. в разбрасывании денег была рисовка хозяев, гостей.

С малых лет мы были лесные жители, пропадали круглый год в лесу, особенно летом. Вначале у меня была страсть, как и у многих ребят, собирать коллекцию птичьих яиц. Мы их выдували и хранили в ящичке картонном на вате, была бумажка при находке: название птицы, когда нашли, сколько яиц несет, где нашли и т. д. Устраивали

между собой мену, больше всех ценили яйца ремиза, совы, филина. Позднее стали собирать коллекции жучков, бабочек, минералов, денег, гербарий, а еще позднее ходили с братом Всеволодом в лес для зарисовок.

Хотелось бы рассказать о друзьях, товарищах детства. Встает яркий образ заводилы-атамана Сережки Березина, отец его был приказчик в мануфактурном магазине. Семья была большая и очень бедная, но что нас всех поражало — каждый ел с отдельной тарелки, мы объясняли это тем, что от бедности и всем не хватает. Он был старше всех, 1900 года рождения. Хорошо очень учился, знал бокс и некоторые приемы джиу-джитсу (японская защита и нападение), чудесно играл на мандолине, гитаре, балалайке и других инструментах, лучше всех плавал и нырял. Неоднократно спасал утопающих. В боях поражал ловкостью и настойчивостью, почти всегда выходил победителем. Был честным и правдивым. Служил для всех примером. Мы все старались ему подражать, хотели быть такими же, как он.

Был интересным, но неприятным парнем Витька Растовцев, за цветные варежки он получил прозвище «нижегородская беженка». Много он причинял нам, ребятишкам, неприятностей, но его все терпели. От него отвязаться было невозможно. Приведу несколько примеров. На рыбалке с ночевой он, когда ребята уснут, привяжет к лескам крышку от чайника, веревку, скелет селедочный рыбы, старый ботинок и т. п. Утром, когда начинался клев, каждый обнаруживает, что у него на леску попало что-то. Много смеху, негодования. Все подозревают Витьку, а он в ответ: «Я тоже спал, да у меня что-то попало» — и вытаскивает на своей леске дохлую ворону. Вероятно, по дороге, когда шли на рыбалку, он ее подобрал. Или собираем грузди, остановились на отдых. Витька говорит: «Давайте разбирать грузди, вероятно, набрали с червями или поганки. Бывают такие поганки, что похожи на съедобные». Но ребята думают — тут что-то есть. Витька зря не скажет. Разбирает каждый в своей корзине. Находят мухоморов, конское копыто, пропавшего воробья и т. п. Когда ж так ловко сумеет набросать, гадаешь. Начинается свалка, все тузят Витьку.

Решили однажды пойти по смородину на Пышму и не говорить Витьке. Вышли вечером, рано утром подходим к д. Гусевой, а при входе в деревню Витька ждет нас, да еще смеется над нами, что поздно пришли. Во время купанья он неожиданно сзади хватал за ноги и топил ребят. Был он верзила, выше всех, и трусоват, а сам всю беду сваливал на ватагу. Идем с ребятами, рыбы не поймали, а Витька Растовцев несет одного маленького чебака и кричит: «Эй, бабы, рыбы кому, не просите, берегите на пироги», высказывают мужики, бабы думают татарин на возу рыбу везет, а тут верзила показываетдохлого чебака. Всех разбудил часов в пять утра. Даже стучит в окна, а потом на вопрос: «Какая рыба?» — показывает ее в окно. Много всяких историй выходило у нас с этим предприимчивым товарищем.

Были братья Рогалевы — Федька и Шурка, дети Прасолкилавочника, их ребята не любили за скупость. Затем татары Абдулин, Гарифулин и Махамен — братья, которые стояли друг за друга горой, задень одного, все подымутся. Поляк Юзик — тихий скромный парень, китайчонок Ли — бойкий, смелый, его все любили. Научил нас песне «Солнце юла, юминуло, чиго фанза, ну чидо», по-русски: «Солнце всходит и заходит, а в тюрьме моей темно». Был у ребят свой жаргон: говорить слова в обратную сторону, вставлять букву в слова, условные знаки, свист. Подражанье птицам. Играли в игры, подражая героям книг, храбрым вождям краснокожих.

Санька Мамлоков был плохой товарищ, но однажды я тонул, он меня спас, и мы очень подружились. Был у нас в детстве свой красочный мир. Много было ребят на Туринской и Самарской улицах. Кто жили год-два, затем уезжали. Многих звали не по фамилии родителей, а по профессии отца, например: Мишка-шапочник, Костякузнец, Колька-железнодорожник.

В детстве мне несколько раз приходилось тонуть, прежде чем научился плавать, спасали свои же товарищи. В начале мы учились плавать в озере перед железнодорожным депо, называлось Родимое, в нем плавал мазут, пить воду нельзя, вылезешь из воды, а по тебе масло, мазут ползет. Однако Родимое нравилось. Потом его засыпали, стали купаться на реке Туре. Громадное удовольствие доставля-

ли экскурсии за груздями. Ходили в деревни Комарова и Падерино. Брали грузди, рыжики сухие и сырые, белые грибы; синявок и волнушки не брали. Каждый старался принести больше. Засаливали уже ведер 10–15, было большое подспорье в питании. Также собирали ягоды — землянику, клубнику, черную смородину, малину, бруснику, морошку, ежевику, черемуху, боярку и другие. Набирали всегда много, но в нашей большой семье все быстро исчезало.

Отец с матерью жили дружно, мы дети понимали, что обязаны им помогать, чем можем. Собирали и сдавали лавочникам кости, тряпки, железо, носили в ресторан шампиньоны, торговали газетами. Рылись на Казьмах и Ляминах — места свалок, куда вывозили из магазинов битую посуду, забракованные яблоки, изюм и т. д. Находили и хорошие, приносили домой. Как-то еще к счастью не захватили заразы. Среди тухлой рыбы, находили чудесных муксунов, кету. На этих свалках было много уличных ребят, делили участки отдельные, были драки за захваченную добычу. Таких свалок по городу в нашем районе было несколько. Приходится даже сейчас удивляться, как на все хватало времени и интереса. С построек приносишь домой щепки, бочки из-под известки, цемента на дрова.

Жили мы привольно, без всякого надзора, были вольные птицы. За двадцать километров вокруг Тюмени хорошо знали места, где что можно найти, какие ягоды, грибы. Но как-то все прошедшее кажется таким интересным, что становится жаль, что оно уже никогда не повторится. Читаешь теперь, к примеру, книгу Майн Рида «Внутри трюма»: мальчик спрятался на корабле, желая поехать на корабле юнгой, питался внутри трюма крысами. А сейчас тех переживаний уже нет. Прав был Суриков, сказав, что «очерствеет сердце, думы не проснутся».

Первое Высшеначное училище

Наконец-то я попал в 1-й класс Высшеначного училища. Что же меня поразило в первые дни? Это обилие учителей. Все они были разные — старые и молодые, красивые и страшные, злые и добрые, требовательные и просто недовольные своей жизнью, и даже очень больные.

После первого урока у каждого учителя я, как и все ребята, сделал вывод, у кого и как можно вести себя и чему этот учитель научит. Сразу же определились любимые учителя. С нетерпением я ждал уроки Константина Васильевича Шелудкова — учителя рисования, чистописания и черчения, мне так хотелось научиться еще лучше рисовать.

На первом уроке Костя, как его за глаза звали, после объяснения, как нужно держать тетрадь по рисованию, сидеть, заточивать карандаш, дает задание проводить на листе параллельные горизонтальные линии на расстоянии 2–15 сантиметров на глаз, от руки. Я опешил, думаю, вот тебе дождался урока рисования. Все работают, я же ничего не делаю. Подходит ко мне и обращается: «Почему не работаешь?». Я молчу. Тогда ребята, знающие меня, говорят: «Он художник. Надо, так даже вас нарисует». Он спросил фамилию, я сказал. «Знаю твоего брата, он отлично рисует» — это про старшего брата Всеволода. «Жаль, что он по другим предметам учиться не хочет, а все-таки линии тебе проводить придется», — и отошел от моей парты. Я начал проводить линии, и даже испортив листа три, у меня ничего не вышло, т. к. я держал карандаш близко к заточенному концу и волочил карандаш медленно по бумаге.

Подошел учитель и показал, как нужно проводить линии быстрым рывком и правильно держать карандаш, после нескольких попыток у меня дело пошло. Но спесь с меня этим уроком Костя сбил — «художник», а линии проводить не умеет. На уроках рисования, они были в 1 и 2 классах, мы рисовали геометрические тела, натюрморты, все больше карандашом. Мне, как и некоторым ученикам, разрешал рисовать интерьеры внутри школы, вид из окна. Рисовали исключительно тушевальными карандашами (итальянскими) на толстой александрийской бумаге.

По рисованию, чистописанию у меня было, как и по черчению, пять с плюсом. Учитель, когда придет на урок пьяный или веселый, заставлял меня проверять работы учеников, исправлять по чистописанию, начинать первые буквы, элементы букв. Это мне льстило, никогда я не думал, что в будущем тоже буду учителем рисования и

черчения, встречусь как коллега со своим учителем Костей, буду назначать ему пенсию, хоронить и говорить на Затюменском кладбище на могиле прощальную речь. Странная штука, жизнь человеческая, трудно сказать, куда она тебя уведет, хоть человек сам творец своего счастья и жизни. Костю мы любили очень за то, что для него все ученики были одинаковые, не было любимчиков, не поощрял детей купчиков, жандармов, полицейских, что иногда делали другие учителя. При плохом поведении он брал за шиворот, давал подзатыльник безобразнику, который лбом открывал классную дверь, все ученики мысленно это одобряли.

В туалетной комнате он отбирал у курильщиков папиросы, оставлял одну, говоря: «Выкури последнюю и бросай курение». Это ребятам нравилось, т. к. не доносил инспектору или классному руководителю, как тогда назывались — классному наставнику. Позднее, когда я стал работать с ним в школах, Костя сознался, что папиросы не покупал, а курил ребячьи, а я ему и говорю: «Ребята нарочно подстраивали, чтобы вы отнимали, так как этим выражали по-своему любовь к учителю».

Второй учитель, который оставил след как учитель-зверь — Николай Николаевич Дворников, наш к тому же классный наставник, он вел арифметику, алгебру, геометрию и тригонометрию. У него была поговорка «Бог знает на пять, учитель — на четыре, а ученик — на три». Лучшим ученикам он ставил оценку «четыре», причем всегда старался его застать врасплох, неожиданно срезать — поставить оценку единицу или двойку. Я мысленно дал клятву, что буду у него учиться на четыре, т. е. было одно желание — «доказать». Если ученик решал задачу на доске или пример и решал не верно, но всячески отстаивал свое решение, он ему ставил четыре — молодец, раз решил, то и отстаивай свою точку зрения.

Когда он писал на доске и какой-нибудь ученик шалил, он, не поворачивая головы, выгонял из класса или ставил в угол, т. к. у него в пенсне отражался весь класс, что ребята знали. Ребята его боялись очень, были случаи, когда он разбивал ученикам нос, рвал сильно уши, заламывал руки. Из-за него многие ученики были исключены

из школы. Он также вел уроки физкультуры и военного дела, где всегда носил кортик с золотым эфесом, который ему выдали за отличное окончание кадетского корпуса. Занимался он отчаянно муштрой, всегда хвалил царя и его деятельность, как мы позже узнали, был в партии монархистов и, вероятно, работал в охранке, т. к. исключали учеников, родители которых были революционно настроены. Нагонял он на учеников очень большой страх, все его ненавидели, чувствовалось, что другие учителя с ним старались не встречаться, игнорировали. Все ученики других классов нам сочувствовали, зная, что он наш классный наставник.

Почти у каждого ученика нашего класса были неприятные стычки с Николаем Николаевичем, видимо, без этого он жить не мог. Помню случай, когда он на уроке отобрал у меня «Палача города Берлина». На просьбу отца моего вернуть книгу, он ответил, что вернет, но за чтение книг таких меня исключат из школы. Отец тогда взять книгу отказался, сказав: «Видно, вам самому она понравилась». А книгу я взял у товарища, тот у кого-то еще, за нее уплатил товаром: отдал коньки, лыжи, акварельные краски, денег рубля два и угощал целую зиму владельца книги обедами, шаньгами, пирогами. Когда я окончательно расплатился, был очень рад. Но с тех пор посторонние книги на уроках не читал.

Однажды Николай Николаевич спросил у меня тетрадь с домашним заданием, я ему сказал, что задание выполнил, но тетрадь оставил дома, он говорит: «Я тебе верю, т. к. хорошо учишься». Окончили уроки, иду с товарищами домой, оглядываюсь, вижу, следом идет Николай Николаевич, я пошел влево не домой, он следом за мной, плутали мы, плутали, в магазины заходили, подхожу к дому, он следом. Я говорю: «Вы к нам Николай Николаевич?». Говорит: «Да». Заходим, мать стирает белье в корыте, опешила, белье вывалилось из рук: «Что случилось Шура?». Николай Николаевич в ответ: «Не бойтесь, я у него тетрадь возьму, проверю».

У ворот он спрашивал: «Решил задачи», сказал: «Решил». Тут дома, взяв в руки тетрадь, спрашивает: «Решил», говорю: «Да, решил». Развернул тетрадь, посмотрел и поставил жирный кол, попросил дневник, где молча тоже поставил ту же оценку, и молча вышел.

На второй день спрашивает в присутствии всего класса, почему я соврал три раза. А я в ответ напомнил ему, что «нужно отстаивать свою точку зрения, пусть будет она неправильная». Он рассмеялся, и сказал, что тут же другое дело. Все ребята были довольны, первый раз увидев смеющегося учителя. За эту четверть я получил двойку по алгебре, благодаря этому случаю.

Очень любили и уважали, как я уже говорил, инспектора школы Дмитрия Кузьмича Шумилова, мы бегали на него смотреть, когда он шел по коридорам. За что же его вся школа любила? Теперь я вырос, сам проработал двадцать восемь лет учителем, могу объяснить эту безграничную ребячью любовь. Во-первых, он был очень справедливым, во-вторых, если учитель не пришел в какой-либо класс по причине болезни, он его заменял и вел уроки по всем предметам и лучше основного учителя проводил урок. Ребята у него лучше понимали и отвечали на вопросы, к обоюдному удовольствию получали хорошие оценки. Значит, он был умнее всех учителей и без подготовки вел отлично урок. Знал он хорошо ребячью душу, любил приводить примеры из истории, жизни, что ребятам нравилось. Они ведь любят послушать истории, не относящиеся порой к уроку. Да и кто не любит послушать интересное, новое узнать, к тому же поучительное.

Вспоминается такой случай, когда я учился во втором классе. Ученик новенький Агеев, верзила, выше меня на голову, обращаясь ко мне, говорит: «Верно, что ты лучше всех дерешься в классе?». Я говорю: «Да». «Выйдешь сейчас на меня драться». «Нет, т. к. через двадцать минут будет экзамен по ботанике, времени мало. После экзаменов, пожалуйста». Он в ответ тиснул кулаком в зубы и разбил губу об зубы. Я озверел, пошли в ограду за сарай с дровами драться, он говорит, давно бы так. Выбежали ребята, наблюдать за поединком, ударил я его раз, упал Агеев с ног, смотрю — синяк под глазом. Встал только, я ему смазал с левой руки, опять упал, встает, вижу — есть второй фонарь, уже под другим глазом. Ударил снова, упал и не встает. Я, говорит, признаю себя побежденным. Я его пинаю: «Вставай, я еще не начинал драться». Ребята меня оттаскивают: чего, мол, тебе надо, он же признал, что ты победил его.

Тут раздался звонок. Пришли на экзамен. Стол покрыт зеленым сукном, сидят учителя в форменных мундирах, поп, инспектор школы Шумилов. Первого спрашивают, как было принято — в алфавитном порядке, Агеева. Посмотрел на него инспектор и спрашивает: «Кто же это тебя разукрасил?». Агеев в ответ: «Митинский». Дмитрий Кузьмич спрашивает меня, правда ли? Я говорю: «Да». «Ну что же, после экзаменов зайдете ко мне в кабинет оба, вначале Агеев, а после Митинский». Ну, думаю, раз к инспектору вызывают в кабинет, вероятно, как старшего брата Севку (Всеволода) исключат из школы, а о брате и его поучительной истории расскажу позже. Какой уж тут экзамен, все равно выгонят. Но все же сдал ботанику на четыре. Идем в кабинет к директору. Заходит в кабинет первый Агеев, пробыл недолго, выходит, плачет, утирает слезы рукавом. Я спрашиваю: «Что он тебе сказал?». Молчит. Спрашиваю: «Ты правду сказал?». «Конечно». Вызывает швейцар меня. Дмитрий Кузьмич говорит: «Рассказывайте, как у вас драка произошла». Я все подробно рассказал. А он в ответ: «Не надо было драться». Я говорю: «Он меня бабой обозвал и в зубы ударил, вон видите — губу рассек о зубы». Дмитрий Кузьмич и говорит: «И я бы в этом случае, пожалуйста, тоже драться стал, раз бабой обозвал», а сам улыбается. «Все же, — говорит, — нужно было драться осторожно, а то вон как его разукрасил». Я говорю: «Когда дерешься, надо бить сильнее, иначе и драться не стоит, что за драка понарошку». Он говорит: «И это тоже верно». Затем спрашивает: «Что же мне с тобой делать? Как наказать?». Я говорю: «Не знаю, смотрите, Вам лучше знать». Отвечает: «А наказать то все же нужно вас. Ну вот что, идите и больше драк у меня в школе не устраивайте». Вот так наказание? Вышел я из кабинета и плачу от обиды, что зря переживал всю эту историю. С тех пор я дрался в школе в третьем классе один раз при подобных же почти обстоятельствах. Милый, любимый Дмитрий Кузьмич, как он знал психологию учеников каждого возраста.

Приходилось мне принимать участие в оформлении общешкольного журнала «Юность», где я делал зарисовки. Однажды в конце журнала написали «новогодние пожелания» членам редколлегии и

другим ученикам, выделяющимся чем-то в школе: «Митинскому богوماзу желаем не носить заплатанные брюки, а носить новые». За это пожелание я отказался оформлять обложку журнала «Юность». Вызвали к Дмитрию Кузьмичу для объяснения. Он говорит, что богوماзом назвали — это хорошо, они настоящие художники. Я говорю: «Когда в народе хотят оскорбить художника, называют богوماзом-мазилой, это же всякому ясно». Он говорит: «От своих личных обид страдает вся школа, это уже не хорошо. В следующем номере редакция принесет Вам извинение, а брюки новые по моей записке школьной Вы получите в магазине по дешевой цене». И мелочь, но забываемая для меня картина. Справедливый человек был Дмитрий Кузьмич. Хорошая память о нем у меня сохранилась на всю жизнь.

За право учения деньги платили в Вышеначальном училище — шестнадцать рублей в четверть, порой отцу трудно было эту сумму внести.

Приходит учитель в класс на первый урок. Обращается ко всему классу: «Нищие появились у нас в классе, им нужно стать у церкви полушки собирать, а они подумали в нашу школу ходить». Мы не понимаем, к чему он это говорит. Обращается ко мне: «Убирайся из класса и не приходи на уроки до тех пор, пока отец не внесет деньги за право учения». Оказывается, мой отец не уплатил деньги за четверть. Приходится под испытующие взгляды всего класса выходить, а так хочется учиться, и особенно в этот день. На следующем уроке я снова в классе, учитель хороший, сам из рабочей семьи. На третьем уроке учитель другой, поручает швейцару вывести из школы и впредь в школу не пускать без разрешения классного наставника. Швейцар берет за шиворот и грубо выталкивает из класса, а за дверями говорит: «Шел бы ты домой, уплатит отец деньги, в школу снова придешь». Говорит ласково, как отец родной. Дома мать удивлена несвоевременному приходу из школы. Узнав, в чем дело, говорит: «Ты уж, Александр, сам поговори с отцом, мне неудобно, так как денег у нас нет даже на питание». Через дней пять отец уплатил деньги, заняв их у хозяина, выждав такой момент, когда хозяин был в хорошем расположении. В этом случае я обычно, как и многие дру-

гие старался отыграться над скверным учителем. Сидишь спокойно, учитель входит в класс. Обращается ко мне: «Сейчас же убирайся, нечего из себя корчить несчастенького, а то вышвырну, дрянь паршивая». Я сижу как ни в чем не бывало, будто бы не ко мне обращается. Тогда он посылает за классным наставником или инспектором, за помощью более внушительной. Инспектор спрашивает, в чем дело. Выясняется, выгоняют меня за неуплату денег за обучение. Я показываю квитанцию. Все удивлены. Спрашивают: «Почему же Вы не объяснили, что деньги уплачены?». А я в ответ: «А меня об этом никто не спрашивал». На следующих уроках подобная же сцена, но несколько в другом плане. Лишь учителю справедливому я говорю, что деньги уплачены, а тот поверит, не взглянув на квитанцию.

За время учебы в школах было много учителей, но в памяти осталась небольшая часть, и большинство из них любимые. Во втором классе, то есть по теперешнему в шестом, появился у нас молодой учитель по ботанике Поликарп Иванович Прокшин, позднее ему советские школьники дали кличку «Пип» по начальным буквам, у нас же он прозвища не имел, как и все любимые учителя.

На первом его уроке мы устроили ему «обструкцию»: стали стучать по крышке парты кулаками — встретили барабанным стуком, все стояли на ногах. Так прошло минут десять. Обращается к нам с вопросом: «Почему меня так встречаете, может, я буду хорошим учителем, научу своему предмету, вам понравлюсь? Давайте договоримся, если я вам не понравлюсь, то мне скажите через две недели, и я уйду из вашей школы». Мы с этим предложением согласились, так как были удивлены его предложением. С такими словами к нам учитель обратился впервые. Значит, от нас зависит, чтобы учитель ушел из школы. Это что-то новое, всегда было, что уходили, вернее, выгоняли учеников. Все сели, переглядываясь. Учитель нам понравился своим отношением, а главное — у него все понимали, учились на четверки и пятерки, к тому же он был справедливый, что особенно ценилось учениками. Любимчиков у него не было. Прошло больше месяца, Поликарп Иванович спрашивает учеников, видимо, учтя нашу мирную и деловую обстановку: «Ну как мне, ребята, уходить

из школы или оставаться?». Мы его не поняли, тогда он напомнил нам первый урок. В ответ все заорали, застучали по партам: «Мы вас любим, оставайтесь в школе». На шум в классе, вошел инспектор Дмитрий Кузьмич. «В чем дело? Почему шум?» — обращается с вопросом к нам. В ответ мы ему говорим: «Мы любим Поликарпа Ивановича», а Дмитрий Кузьмич: «Так не нужно выражать любовь», повернулся и вышел из класса. Нам было стыдно, что подвели своего любимого учителя. Да признаться, порой и у него вели иногда плохо. Находила какая-то дурь на ребят.

Первое Высшеначальное мужское училище мы, ученики, между собой за буйное поведение называли «первое арестантское училище». Все значки на фуражках вырывали старшие ученики с мясом, т. е. с материей. На железной бляхе ремня стояли буквы ВНУ, что мы переводили «Вор нашей улицы».

Многие порядки в школе напоминали «Бурсу» Помяловского. Слабых избивали, было право сильного и наглого. Одного ученика, здорового парня, все пинали, толкали, издевались над ним, так как он был изменщик. «Мазепа» была у него кличка, когда-то он наябедничал классному наставнику и был наказан весь класс, за это мстила вся школа. Он как звереныш на перемене стоял, забившись в угол, переход его в другую школу лишь ухудшил положение, там его избивали сильнее, передали через ребят и в другую школу.

С первого класса я, как и все учащиеся, стал курить, т. к. иначе не считали за человека. Выкурить — удивительный хулиганский поступок на уроке, считалось за подвиг. Об исключенных учениках за особые «подвиги» передавались из поколения в поколение школы, что вызывало на выходки и учащихся во время пребывания моего в школе. Не к чему приводить эти дикие выходки, т. к. они не делают чести ученикам и ни в какой степени их не оправдывают. Была вечная вражда учеников к учителям. Спускали в чернилку учителя масло, вставляли в стул иголки, жгли гребенки, и виноватых никогда не находили. Была крепкая круговая порука, почему порой исключали из школы тех, на кого пало подозрение, а на самом деле он был не виноват. Такого парня сочувственно провожали, держали первое время

с ним связь, а после у него были уже жизненные вопросы, поиски работы и его забывали, как исключенного с «волчьим билетом», да и интересы у ребят таких были далеки от школы. А как они жалели, что ушли из школы, т. к. раньше-то они ходили в героях.

До 1918 года учителя все были мужчины, позднее стали появляться женщины-учительницы на свою беду. Будет уместно здесь привести историю старшего брата, моего товарища и друга детства Всеволода.

История старшего брата

Все братья были дружны, но, конечно, всем верховодил старший брат, ему мы подражали. Всеволод учился прекрасно, начальную школу трехклассного Николаевского училища он окончил с похвальной грамотой. Рисовал, писал и чертил на пять с плюсом. Попав в первый класс Вышеначального училища, он подпал под влияние сильных характером второгодников, стал курить, ругаться, совершать «подвиги». Получил кличку Псина, так как когда рассердится, то так ругался, к тому же на эту кличку он откликался. Остался на второй год в первом классе. Во втором классе он тоже был оставлен на второй год, и о нем уже по школе шла слава как отчаянного ученика.

Появилась в школе первая учительница русского языка, полная, курносая, интересная Лидия Алексеевна, за которой ухаживали все учителя, чему она как женщина была рада, все это ученики замечали. И вот на уроке Лидии Алексеевны Всеволод нарисовал карикатуру, где изобразил (неразборчиво) жирную свинью, которую сосут поросята, в них можно было узнать учителей-ухажеров, а в свинье Лидию Алексеевну. Карикатура пошла по рукам. Учительница говорит: «Дайте мне этот рисунок, покажите, что там нарисовано?». Товарищ Всеволода, обращаясь к нему, спрашивает: «Псина, дать ей рисунок или нет?». И Всеволод говорит: «Отдай, пусть полюбуется». Видимо, из чувства ложной отваги.

Учительница на педсовете поставила вопрос об исключении брата из школы как неисправимого. Брата исключили. Отец сидел во

время обеда за столом, спрашивает: «Почему, Сева, в школу не ходишь?». А он в ответ: «Чего мне ходить, меня из школы исключили». И объяснил за что. Отец бросился за ним, тот бежать. Мать кричит: «Санчик, беги за ними, отец Севку убьет». Я выбежал, вижу, отец взял полено и бежит за братом, был октябрь, лед на реке был тонкий, добежали до реки Туры. Всеволод перебежал на ту сторону, а отец у берега сразу провалился и кричит: «Севка, вернись, утонешь». Но брат убежал и скрывался у бабушек и других родственников больше недели. Отец сказал мне: «Найди Всеволода, пусть вернется, я его бить не буду, пусть идет работать, раз не хочет учиться». И добавил: «Не хотел шить золотом, пусть бьет молотом».

Всеволод пришел домой, отец слово сдержал, его не бил. Спросил: «Куда пойдешь работать?». Всеволод: «Хочу продавцом в магазин, где продают продукты — конфеты, изюм, я их люблю». Отец: «Туда ты не пойдешь, опять натворишь разных дел». И устроил в магазин Брюханова и Антипова учеником приказчика, пробыл там брат дней пять. Сидит за столом во время обеда, а у него фонари под глазами. Отец спрашивает: «Что это, Сева, у тебя за украшение?». Всеволод: «Старший приказчик дал гривенник и говорит, купи бутылку водки, два фунта колбасы, селедку, две сайки, да смотри, принеси полтинник сдачи. «Как же так я сдачи принесу, если гривенника не хватит все купить?». А он в ответ: «Нужно меня угостить, иначе тебе не работать у нас. Разве отец не знает порядка, что старшего приказчика нужно ублажить». Всеволод: «Дураков нет, чтобы такую глупость сделать». В ответ он несколько раз ударил и выгнал с работы. Я, говорит, папка, больше туда не пойду. Отец: «И куда тебя устроить? Хочешь пойти учиться на сапожника?». Всеволод: «Очень хочу, я тебе сапоги сошью, а матери ботинки». Мать заплакала: «Ничего мне не надо, приобрети только профессию, чтобы был честным тружеником».

Устроили к соседу, к Косте-сапожнику. Он был пьяница, имел много маленьких ребятишек. Приняли брата в обучение на год, без оплаты за работу. Отец еще выпоил ему несколько бутылок вина. Всеволод стал жить у Кости сапожника, мне видеть его не давали, гнали, когда

подходил к квартире. Через неделю Сева сидит за обеденным столом в шапке ушанке, ест щи. Отец говорит: «Что ты, Сева, как татарин, в шапке ешь? Сними-ка, Санчик, с него шапку». Я дернул с брата шапку, и все увидели у него на голове громадную шишку с гноем. «Что это у тебя?» — спросил отец. Всеволод заплакал. Меня заставили мыть пол, стирать белье, водиться с грудным ребенком, а шить сапоги не учили, я и попросил: «Дядя Костя научи меня хоть драгву сучить, да набойки набивать». Он в ответ: «Иди, научу». «Я подошел к нему, а он схватил меня за волосы, взял в руки колодку, а она была с гвоздями, и давай бить по голове, а затем запер в холодный чулан, я там замерз, отворотил запер, да сюда прибежал». Ходил отец в полицию жаловаться на хозяина, а околоточный и говорит: «Хорош мальчик, коли его исключили с волчьим паспортом из школы, пусть его так и учат. Учить, да не бить вашего брата, ничему не научишь».

«Ну что теперь будем делать?» — спрашивает отец брата. «Хочешь, отдам к печнику в обучение?» «Нет, папка, не хочу, печник будет бить кирпичом, он сразу убить может. Возьми меня папка в ученики печатника в типографию». Поговорил отец с хозяином типографии Благининым, а тот и отвечает: «Учеников мне не надо, если хочешь, учи бесплатно пусть работает, там посмотрим». И стал Всеволод работать бесплатно в типографии, через шесть месяцев ему положил хозяин жалованье, а не зарплату, как теперь называют, один рубль в месяц. Пришел отец домой изругался, а у самого слезы на глазах, обида и зло берет его. Но терпеть приходится. Позднее назначил ему жалованье три рубля, а у другого хозяина стал получать двенадцать рублей в месяц, стал уже мастером-печатником. Сидишь за столом, обедаешь, а Всеволод: «Ты мой кусок потащил в рот дармоед, знаешь, как он хлеб-то достается», а мать в ответ: «Сева, ты себя-то прокормить не можешь». Тяжело было мне, когда попрекают куском хлеба. Семь лет брат работал печатником. Пришла советская власть, стали набирать рабочих в рабфаки. Кончил брат рабфак, затем стал художником полиграфического производства. Рисовал плакаты, оформлял книги. Ушел, несмотря на бронь, добровольцем в армию, когда фашисты подходили к Москве, и погиб в 1943 году под

Смоленском. Всеволод был самым близким человеком из братьев: росли-то вместе, много переживаний с ним я испытал. Вместе учились в художественной студии. Ходили в лес на этюды. Жаль брата, ушел из жизни, не сказав полностью своего слова как художник. Его история заставила меня еще лучше отнестись к учебе, к отцу и матери. Хотелось им как-то жизнь облегчить. Очень много я читал, а книги тоже учат, как нужно жить.

Почему я не верил в бога

Семья наша не была религиозной, отец в церковь ходил только в большие праздники Пасхи, Рождества, да еще по случаю свадеб родственников и похорон. Выйдя из-за стола, мы лоб не крестили. Но почему-то идя в школу, всегда говорили: «Благословляй, мама», она в ответ: «Иди с богом». В школах урок начинался с молитвы «Царь Небесный». Окончив урок, пели хором «Достойно есть яко во истину...», а в старших, третьем и четвертом, классах учили по очереди в алфавитном порядке, читали выдержки из Евангелия. Все учащиеся в воскресенье с раннего утра должны были ходить в церковь к обедне, иначе в понедельник до уроков не допускали. В начальных классах вел уроки Закона Божия дьякон отец Яков, очень напоминающий протоиерея Репина. Он принимал участие в крестинах наших братьев, сестер, сильно пил водку, дико пел басом, плясал вприсядку, был близок к рабочим, ел все, что дадут, не гнушался самодельной вишневки или браги. Был груб и не культурный, служил в Архангельской церкви, куда ходила молиться и наша школа.

Разногласия с богом у меня начались с первого класса. Противно было говеть, исповедоваться, стоять на коленях в церкви, отбивать поклоны, нюхать терпкий запах ладана, ходить каждое воскресенье к обедне. К тому же дома отзывались о попах как о чем-то мерзком. Когда по праздникам ходили с визитом по домам, отец держал ворота на запоре, только случайно они прорывались в дом. Пускает отец родственников в дом, пришли в гости, а следом идут поп с дьяконом с визитом. Нужно платить или рубль, или пятьдесят копеек, меньше было нельзя, продукты — куличи, яйца — они брать отказывались.

Помню такой случай в конце обучения в первом классе. Теплый весенний день, весь мир как бы радуется. Звонят колокола в церкви. Иду, думаю, как быть? У церкви сидит здоровый, лысый, седой старик и просит: «Подайте копейку». Я подал ему три копейки. И думаю: «Бог увидит, что я подал нищему и меня не спросят на уроке, а к следующему дню я уроки приготовлю». Но в школе меня спросили, получил я единицу, остался голодным. Иду из школы, а мой нищий лежит пьяный у казенки с пустой бутылкой в руке, а я думал, он деньги собирает на хлеб для голодных детей. Пришел домой, мать спрашивает, что я купил на три копейки, я рассказал, куда девал деньги, она в ответ — больше тебе денег давать не буду. Ну, думаю, и бог, из-за сделки с ним мне везде попало.

Во время церковной службы ученики прислуживали в алтаре. Зажигали и тушили свечи, разносили просвирки и выполняли разную работу, приходилось видеть мне, как перед службой попы выпивали в алтаре. Во втором классе посадили за парту со мной горбатого мальчика. Он был хилый. Отец Яков рассказывал какую-то притчу, что бог справедливый и все видит. После просил задавать вопросы, кто чего не понял. Я спрашиваю: «А почему Вася, мой сосед, горбатый? Мне его жаль». Отец Яков в ответ: «Он наказан за грехи родителей». «Отец-то у него поп». Тогда отец Яков взял меня за вихор и говорит: «Убирайся из школы, паршивец, и без матери не приходи». Я объяснил матери, в чем дело. Мне, говорю, Васю жаль, что он горбатый, почему такого бог сделал, это неправильно. Ну а отец Яков говорит матери, что воспитываете детей безбожниками, потому что сами редко храм посещаете, даже церковнослужителей в дом не пускаете.

Безусловно, это все на детскую душу накладывает неизгладимый след. Ребята как во что-то одушевленное больше верили в черта. Потеряв мячик или городок, обычно кричали: «Черт, черт, поиграй, да отдай». Черта мы побаивались особенно ночью, но это было до пятого класса, там уж ни во что не верили, хоть и по-прежнему ходили в церковь. Старались сидеть, а не стоять на коленях, обмануть священников, убежать из церкви, попасть попу на глаза, а затем сбежать. Религия же не интересовала, просто до нее не было дела.

(Окончание следует)